

КОСЛИДНЕЙШЕМУ расследованию событий 11 сентября, проведенному журналистом, ученым, европарламентарием Джульетто Квезой сложно что-то добавить, я затрону лишь малую часть их внешнего отражения, эха. Так сказать, "одну из картин мира (по состоянию на 11 сентября 2001 года)".

В тот период как раз формировался, утверждался один из важнейших терминов международной политики XXI века — "страна-изгой" (английский оригинал данного термина, "togue states", гораздо грубее: "страны-мерзавцы, негодяи, неконтролируемые"). Термин являлся развитием "оси зла", к начальным членам которой Иран, Ирак и Северная Корея — заместитель госсекретаря Дж. Болтон 6 мая 2002 г. щедрой рукой добавил: Ливия, Сирия, Куба. Отдельные особо недовольные чиновники вносили в список и Белоруссию. Евросателлиты США пробаовали возражать, требуя объективных критериев для занесения стран в эту категорию.

Удар 11 сентября дал мне повод по-дти к этой карл-линневской проблеме классификации с другой, может и неожиданной стороны.

Итак. Термин предполагает наличие чего-то общего в этом то растущем, то сокращающемся списке. Тем более, авторы твердят, что назначение в "изгой" — не прихоть США. Но что тогда? Не все страны из этого списка имеют красивые или зелёные цвета на своих флагах, не у всех президенты-лидеры носят военную форму и, несмотря на старания CNN-подобных СМИ, не у всех — зверско-угрожающее выражение лиц (иначе в "изгой" могла бы попасть, например, и страна вверенная Терезе Мэй).

Строго объективно, есть одно косвенное определение, *post factum*: страна-изгой находится вне интенсивного мирового финансового, человеческого и товарного обмена. Конкретно: туда не летят самолёты (ведущих авиакомпаний), туда не проходят платежи (first-class банков), только какие-то, может быть, тоже изгойские мелкие банки-авиакомпании. США это подтверждает, и не без гордости: "Да, это собственно и есть результат нашей работы, "страна-изгой" — вне мировых связей, почти "аут ло", вне закона!"

Теперь, собственно, к самим событиям сентябрьских дней 2001 года.

Тогда мне довелось участвовать в организации одной крупной PR-акции "Столетие реформы Витте и завода "Кристалл". "Водочная монополия", точнее — "Казенная продажа пивий" Сергея Витте, давшая стране 24% бюджета (вырванные у кабатчиков, шинкарей, откупщиков), была одной из самых успешных реформ в истории России. Она была тщательно подготовлена, а одним из ключевых элементов её и стал пуск завода, впоследствии получившего имя "Кристалл".

Действо было назначено на 17 сентября 2001 года, главный идеолог — издатель, журналист, коллекционер, Александр Никишин, о новых проектах которого мне довелось писать в "Завтра" (книга о "Китайском Сталине-граде"). Моя роль была скромная: писательско-журналистская, организационные хлопоты мне довелось только наблюдать. Важной частью "экшена", спектакля, разыгрываемого в исторических краснокирпичных стенах "Кристалла", должно было стать "меховое дефиле": красивые девушки-модели, шубы, и т. д. Далее обычная бизнес-суэта: совладелец коллекции где-то в США, часть моделей должны были прилететь туда примерно 10-12 сентября 2001 г., но к нашему Действу — успеть вернуться...

И вот бывший протезе Збигнева Бжезинского организует свое "Действо о четырёх самолетах"... Полный мировой хаос. Кто-то из властных людей, как видно — по инерции "святых 1990-х", вроде даже пытался отменить это кристалловское шоу — точнее, были какие-то "согласования": нет, не в Вашингтоном, конечно (такую деталь можно было бы дорисовать для театра абсурда), а здесь в Москве. "Добро" было получено, но тут-то и довелось наблюдать Мистерию. Самолет с группой моделей на посадку перенаправили в Канаду, там они и зависли. Московский офис может выдать часть коллекции, моделей — если тот совладелец где-то в США разрешит, получив авансовую часть. Плательщи на его тамошние счёта отправляются и... возвращаются обратно.

В общем, праздник удался, помню с хорошим актером, представлявшим Сергея Витте, но... без мехового дефиле-спектакля.

Смысл всех этих воспоминаний. 12, 13, 14 сентября в США не проходили "плательщи" тех самых first-class банков, не летали самолеты ведущих авиакомпаний... То есть три дня "государством-изгоем" были сами США, по их же коммуникативным критериям.

Многим памятен тогдашний вал статей: "Мир изменился!... Мы вступили в новую эпоху! Новая эра!..."

Помню блестящий и суровый слоган Фредерика Бегбедера: "Добро пожаловать в XXI век!" Мою статью в "Независимой газете" (19 октября 2001 г.) назвали злорадной всего лишь за привлечение внимания к другой юридической странности. Если кто помнит, в сентябре 2001 года НАТО объявило "состояние войны" — типа из солидарности с пострадавшей Америкой. НО в графе "кому (война)" — уникальный случай — стоял Пробел. Так сказать: "На предьявитель".

Что заставило тогда задуматься о войнах вообще, процитировав фундаментального Гуго Гроция (автор идеи "естественного права", основоположник военной юриспруденции). Положения Гроция в своё время стали теоретической основой Вестфальского договора 1648 года и рождения термина "национальный суверенитет" — который и был подорван вторжениями по поводу якобы "общечеловеческих ценностей" и введением того самого термина "страна-изгой" — государства "вне закона", с фактически неполным суверенитетом.

И тут эти три сентябрьских дня! Как говорится, "Не рой другому термин"...

Игорь ШУМЕЙКО

Окончание. Начало — в № 34

ИСААК НЬЮТОН — ИСТИННЫЙ ОТЕЦ БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Как отмечено выше, создание частного Банка Англии, который монополизировал операции с госдолгом, вначале даже усугубило проблемы денежного обращения. Помимо временной утраты контроля за госдолгом, вызванным его переходом в частные руки, либерализация и общее ослабление власти после "Славной революции" способствовали усилению порчи монеты (не говоря о также процветавшем банальном фальшивомонетничестве), что стало самостоятельной причиной финансового кризиса.

Основой денежного обращения были серебряный шиллинг крайне низкого качества чеканки. Отсутствие ребристого ободка делало массовым срезание части монет для переплавки. Это каралось виселицей, но режим был слишком слаб, чтобы выявлять и наказывать вредителей, счёт которых шёл как минимум на тысячи.

Борясь с этим, правительство ещё в 1662 году начало чеканить высококачественные полновесные монеты, в том числе с надписью на ребре, что не давало обрезать их, но их в силу сложности производства было немного, и из-за невозможности обрезать, что гарантировало полноценность, их либо сразу прятали, как сокровища, выводя из обращения, либо переплавляли в серебряные слитки и вывозили в Амстердам и Париж (так как из-за порчи английской монеты серебро в виде товара было дороже).

В результате в обращении оставались лишь обрезанные монеты всё более низкого качества, что создавало угрозу коллапса торговли и производства. Маклей в "Истории Англии" называл массовую порчу

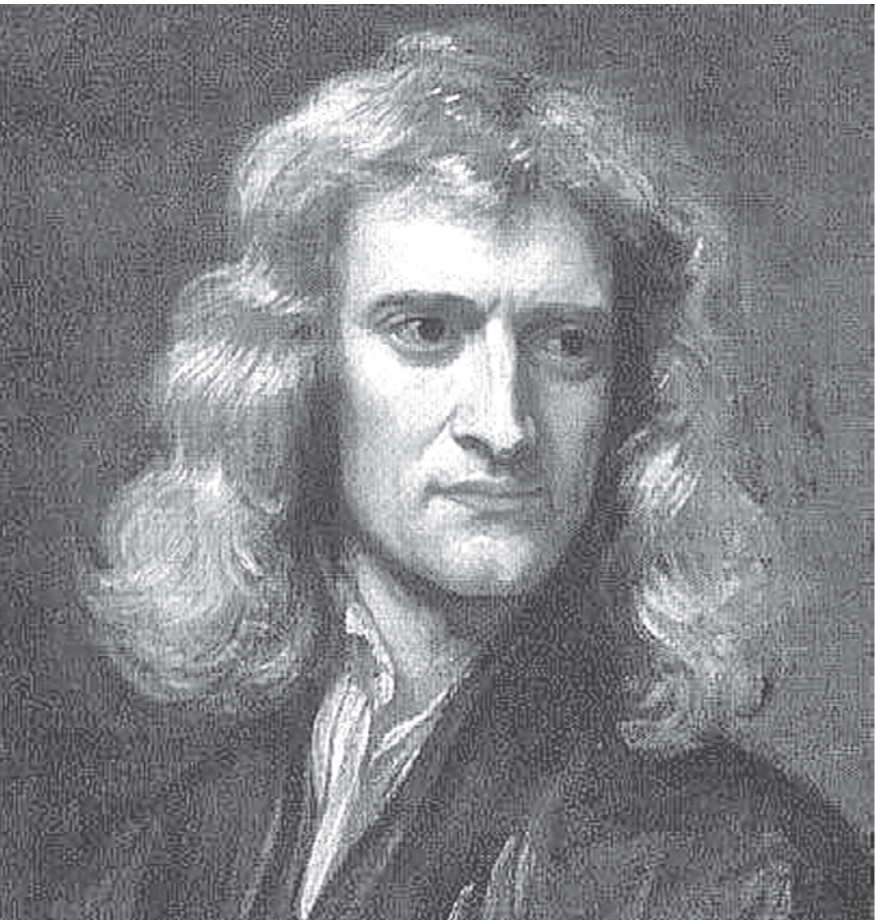
требовало исправлений в течение целого века, а физика продолжала работать... до века Эйнштейна. "Принципы" были признаны произведением искусства... В отличие от Галилея, вокруг Ньютона поднялась шумиха. Он был посвящён в рыцари и избран членом Королевского общества..."

Таким образом, к моменту обострения денежного кризиса авторитет Ньютона был исключительным: он был самым уважаемым и известным учёным не только Англии, но и всего тогдашнего мира.

Ключевая проблема денежного обращения была проста: кому платить за замену порченной монеты на полновесную? В прошлую перечеканку XVI века казна брала на себя расходы, а сами монеты менялись по весу, то есть по стоимости сданного серебра. Это казалось логичным: государство не должно платить за нарушение закона подданными и, раз в нормализации экономики заинтересовано общество, то и платить должно оно. Но та перечеканка обернулась разорением населения: после обмена человек получал в 1,5-2 раза меньше, чем сдала, а долги и налоги оставались прежними. В результате обобранный население с удвоенной энергией бросилось портить уже новую монету.

Революционное решение Ньютона, поддержанное Монтего, заключалось в оплате перечеканки правительством: деньги менялись по номиналу, и даже обрезанные до половины своего веса шиллинги менялись на полновесную новую монету один к одному, и уже в конце 1695 г. парламент принял закон, потребовавший в

**Михаил
ДЕЛЯГИН**

Исаак НЬЮТОН — физик, алхимик, финансист...

монет, затрагивавшую интересы всех слоёв, злом хуже любой измены. Падение качества денег стало одной из причин начавшихся в 1694—1695 гг. массовых банкротств. По оценке Ньютона, к началу Великой перечеканки около 12 % серебряных денег в обращении было фальшивыми (что составляло до 10 % всех используемых денег), а у оставшихся было срезано около 48 % их общего веса.

Страна с предельно расстроеным денежным обращением вела войну с Францией, где укрылся свергнутый "Славной революцией" король Яков II; казавшаяся реальной перспектива его возвращения с последующими тотальными репрессиями вызвала всеобщий ужас.

Для спасения Англии надо было оздоровить денежное обращение, чем занялись четыре человека, сочетание которых демонстрирует уникальность английской политической культуры: ученик Ньютона Чарльз Монтего (граф Галифакс), внесший билль о создании Банка Англии и назначенный после этого канцлером казначейства (министром финансов); Джон Сомерс — глава партии вигов, с 1697 г. — лорд-канцлер Англии; Джон Локк — врач, философ, теоретик парламентаризма, с 1696 г. комиссар по делам торговли и колоний; Исаак Ньютон — автор великих "Математических начал натурфилософии".

С министром финансов и одним из политических лидеров всё ясно. Но как оказались среди денежных реформаторов философ и учёный? Почему правительство Англии обратилось за советом об оздоровлении денежного обращения к никак не связанному с ним ранее Исааку Ньютону?

Прежде всего, причина — описанная выше внутренняя демократичность английской элиты, проявившаяся в том числе, в существовании Лондонского Королевского общества по развитию знаний о природе (далее — Королевского общества; Локк был его секретарем. Чарльз Монтего — президентом в 1695—1698 гг., уступив этот пост Сомерсу, занимавшему его в 1698—1703 гг.) и в приглашении в него пусть и блестящего, но не известного, не богатого и не обладающего личными связями Ньютона (который, впрочем, тоже стал его президентом, сменив Сомерса в 1703 г. и пробыв на этом посту почти четверть века, до самой своей смерти в 1727 г.).

Но такое приглашение было вызвано и необычным, исключительным положением науки в тогдашнем английском обществе.

К тому моменту, когда правительство обратилось за советом к 52-летнему Ньютону, казалось, он "уже всё совершил: с разработки дифференциального и интегрального исчисления прошло тридцать лет, с теории света и цвета — двадцать, с публикации законов механики и закона всемирного тяготения — почти десять".

Его "основным достижением... стало объединение законов планетарного движения Кеплера, законов падения тел Галилея, концепции инерции, развиваемой Галилеем и Декартом, и... собственной концепции гравитации в единой физикоматематической системе... 20 лет прошло, прежде чем Ньютон убедился в своей математической правоте... В 1687 г. он сформулировал теорию притяжения и движение тел и описал её в эпохальном труде, "Математические начала натуральной философии", обычно известном по своему латинскому названию "Принципы" (Principia). Она продавалась по 5 шиллингов за копия.

Ньютон соединил вместе математические, астрономические и механические открытия века... Его описание Вселенной не

течение месяца сдать в казну всю старую (до 1662 г. выпуска) наличность — монеты ручной чеканки.

Обмен обошелся в 2,7 млн фунтов стерлингов — почти полтора годовых доходов казны, основную часть которых пришлось одалживать у английских и голландских банкиров и купцов, заинтересованных в стабильности фунта стерлингов. Монтего прославился прогрессивностью и гуманностью, отказавшись от восстановления налога на печные трубы (введённого в 1660 г. и отмененного в 1684-м после вызванного оттоком из них Лондонского пожара) в пользу введения налога на окна (из-за дороговизны стекла бывшего налогом на богатых), "Чтобы оценить смелость реформаторов, можно вспомнить, что... в 1992 г. ...Гайдар заявил, что компенсация обесцененных вкладов потребует суммы, равной доходу бюджета за 6 кварталов. Величина... произвела на депутатов огромное впечатление, но именно такую сумму... государство выплатило англичанам в конце XVII века".

Перечеканка монет за счёт государства протиступировала спрос и показала справедливость новой власти: она не стала называть всё общество за ошибочную политику предшественников (даже ценой прощения множества невыявленных мошенников).

Логично, что автора идеи назначили её исполнителем. Возможно, при назначении Ньютона играло роль и то, что, несмотря на славу, он жил скромно (после уплаты налогов, покупки научного оборудования и книг на жизнь ему оставалось, по оценкам, 500-1000 фунтов стерлингов в месяц в цене 2018 г.), болел, и высокопоставленные друзья искренне думали, что нашли ему замену.

Но результат оказался прямо противоположным.

Обмен, едва начавшись, был сорван (что вынудило впервые в Европе выпустить в обращение кредитные билеты): Монетный двор не обеспечил чеканку нужного объёма денег. Это было невозможно в принципе, но ситуацию усугубило полное разложение работников, вызванное бездельем его директора Нила (его связи были так сильны, что отправить его в отставку, заменив на Ньютона, удалось лишь в 1699 г.). В Монетном дворе царил пынство и воровство; нормой были дуэли, чеканы порой продавали фальшивомонетчикам.

Сразу после назначения хранителем Монетного двора (должность, вообще не предусматривавшая властных полномочий) Ньютон добился от парламента диктаторских прав: вплоть до создания своей тюрьмы и сысковой полиции, а также получения прокурорских полномочий и статуса Главного обвинителя короны по финансовым преступлениям.

Переселение в Тауэр позволило работать почти круглосуточно (тогда Ньютон спал не более 4 часов в день). Помимо обеспечения дисциплины и войны с фальшивомонетчиками (великий учёный добился осуждения более ста и казни 28 из них, причём легендарному Уильяму Чалонеру по его настоянию на виселице повешили на грудь медные матрицы, которыми он подделывал популярные тогда лотерейные билеты, — он вынужен был все технологические и организационные тонкости производства. Совершенствование технологий, открытие пяти временных монетных дворов в других городах и строительство передвижных машин для чеканки денег: удовлетворявших потребность в них "на местах" наибольшего дефицита, позволило в кратчайшие сроки нарастить выпуск денег почти в 10 раз.

Установленные им порядки были так эффективны, что английский госаудит достиг уровня установленного Ньютон уровня контроля и управления; по оценкам, лишь в середине XIX века! В Монетном же дворе они сохранились, по крайней мере, частично, на протяжении почти четверти тысячелетия. Так, когда обнаруженные в 1920-х архивы, связанные с ньютоновским Монетным двором, в 1936 г. попытались выставить на аукцион в Лондоне, их сразу засекретили, так как содержащиеся сведения о правилах работы Монетного двора могли заинтересовать немецкую разведку.

Ньютон спас Англию менее чем за два года, ликвидировав катастрофический дефицит монет к концу 1697 г. Но созданный им лучший в мире Монетный двор стал не нужен: огромные (и крайне дорогостоящие) производственные мощности лишились загрузки.

Выходом стала чеканка серебряных монет для международных торговых компаний, прежде всего Ост-Индской, именно тогда остро нуждавшейся в большом количестве серебряных денег. Небольшие заказы такого рода Монетный двор выполнял и раньше, но Ньютон, чтобы спасти его и обеспечить масштаб работ, добился установления цены серебра почти на 10 % ниже среднеевропейской.

Сугубо, видимо, конъюнктурная поначалу политика, вызванная стремлением поддержать загрузку мощностей и спасти кровью и потом налаженное производство (не говоря о головокружительных личных доходах), крайне удачно вписала

ФУНТ НЬЮТОНА

О законе всемирного тяготения денег

Англию в тогдашнее мировое разделение труда. Уже в 1699 г. это было осознано великим учёным и его учеником, канцлером казначейства Монтего, и стало основой финансовой стратегии Англии.

Индия, Китай и в целом страны Востока тогда торговали с Европой в основном за наличное серебро, бывшее (благодаря наибольшей распространённости из всех драгметаллов) главной мировой валютой. Для прорыва на рынки Востока и закрепления на них, для установления контроля за торговыми путями надо было щедро платить серебром; и несколько компаний-монополистов, сосредоточивших ко времени Великой перечеканки в своих руках основную часть мирового торгового капитала, испытывали постоянную нужду в серебре, особенно в высококачественной монете. Монетный двор Ньютона, удовлетворяя их жажду (да ещё и по льготной цене, да ещё и быстро, и практически в любых объёмах), привязывал их к английской экономике. За поставку монет на льготных условиях эти компании стали предоставлять Англии льготные кредиты, обеспечившие быстрый рост её хозяйства (дополнительным фактором относительной дешевизны кредита стало поддержание девизины серебра).

Аналогичный вывоз серебра в торговле с Востоком и ранее использовался Венецией, Антверпеном и Амстердамом, пусть и в сравнительно небольших масштабах. Таким образом, Ньютон использовал старый опыт венецианских банкиров, перенёвших активность через Голландию в Англию, в качественно новых условиях: когда мощные торговые компании, наличие свободных капиталов в Европе и уникальный баланс сил в английской политике позволили ему превратить госдолг в мотор форсированного экономического развития.

Таким образом, Ньютон поставил на службу Англии и её прогрессу, включая создание ёмкого внутреннего рынка и необходимое полноценному госаудиту преодоление разрыва в уровне развития между центрами торговли и остальной страной (задача, решённая тогда только Англией, а в большинстве стран не решённая и сейчас), энергию и мощь всего мирового торгового капитала. Дешёвый кредит, породив беспрецедентную деловую активность, не только преобразил страну, но и обеспечил беспрецедентно высокие налоги — около 20% ВВП (в других европейских странах предельным налоговым бременем, прозякавшим социальными катастрофами, считалось 10% ВВП; попытка достичь его стала в конце XVIII века роковой для Франции; Англия же без труда собирала почти ту же сумму налогов, что и Франция с её в 2,5 раза большим населением).

Именно за создание этого механизма, когда его эффект стал очевиден в 1705 году, за заслуги перед государством Ньютон был возведён королевой Анной в рыцарское достоинство.

Быстрый рост экономики позволил Банку Англии начать регулярный выпуск гособлигаций, по которым пунктуально выплачивались постоянные проценты (в среднем 5% годовых).

Специфика стремительно растущего английского госдолга стала идеально точное обслуживание, вероятно, вызванное тем, что король и верхи политической элиты как тайные совладельцы Банка Англии оказались на стороне кредитора, а не заёмщика, которым являлся обладавший повседневной властью парламент. Отказ короля от абсолютной политической власти (в результате "Славной революции") сопровождался захватом им — при учреждении Банка Англии — части власти экономической: так "система сдержек и противовесов" в политике получила аналог в экономике. Зная, уступив торгово-финансовому капиталу весомую часть политической власти, захватила в обмен часть экономической и вместо борьбы с капиталом слилась с ним в единый властно-хозяйственный механизм.

Это слияние было подготовлено внутренним демократизмом английской элиты и стало основой британской мощи: энергию, которую другие нации растрачивали на внутреннюю борьбу за власть, англичане смогли направить вовне, на расширение своего влияния.

Точность и безусловность обслуживания английского госдолга перевела его в качественно новое состояние, при котором он стал самым надёжным объектом вложения средств для капиталов всей Европы и тем самым для Англии — самостоятельным источником развития, влияния и богатства. Резко расширив бюджетные возможности Англии, он обеспечил её подавляющую мощь.

Уже к середине XVIII века он достиг астрономических 140 млн. фунтов стерлингов (как сейчас большим в мире, вызывая (и став сейчас госдолг США) ужас публицистов (которые начали осознавать его значение лишь к концу века) и энтузиазм кредиторов. Так, когда в 1782 г., после поражения в войне с североамериканскими колониями, Великобритания попросила у ведущих банковских домов Европы займ в 3 млн. фунтов, ей немедленно предложили 5 млн.

Тогдашнее мировое разделение труда выглядело как излечение странами Европы серебра из Нового света и обмен его

на Востоке на товары. Англия смогла занять уникальное положение объекта вложения всех свободных капиталов мира и получать неограниченный кредит. Последний сыграл ключевую роль в её стремительном техническом перевооружении в ходе промышленной революции: паровые машины мог строить кто угодно, а вот средства на оборудование ими множества фабрик были только у Англии.

Систематическая недооценка серебра по сравнению с золотом (для наращивания торговли с Востоком, требовавшим серебро) вела к тому, что в Англию для перечеканки в английскую монету возилось золото (поток которого хлынул и так после установления Англией, благодаря Лиссабонскому договору 1703 г., фактического контроля за Португалией и её золотыми рудниками в Бразилии), а вывозились серебро и серебряные монеты. Так сложилась биметаллическая система с преобладанием золота над серебром; английский фунт стерлингов стал первой валютой новой Европы, основанной на золотом стандарте, и затем увлек за собой весь мир.

Будущее этой системы, как и в целом будущее Великобритании, было отнюдь не безоблачным.

Достаточно вспомнить потерю североамериканских колоний: проживавший в Лондоне почти 17 лет Бенджамин Франклин, отстаивая их интересы и протестуя против чрезмерного налогообложения, имел несчастье объяснить представителям Банка Англии их расцвет использованием собственной валюты ("колонияльных распри-

сок"), которые выпускались в строгом соответствии с потребностями хозяйства. В результате в 1764 г. парламент Великобритании "Законом о валюте" запретил колониям выпуск своих денег и обязал выплачивать все налоги только золотыми и серебряными монетами. Франклин писал: "За один год... эра процветания закончилась... Улицы городов заполнились безработными". К 1775 г. британская система налогообложения "обескровила" колонии, изъям из них все золотые и серебряные монеты и поставив их перед выбором между пибелью и восстанием; это привело к возникновению США.

Стоит отметить, что в июне 1776 г. Людовик XVI предоставил своему агенту, великому драматургу Бомарше, 1 млн ливров на финансирование войны повстанцев Северной Америки против Великобритании. Так что финансирование и, вероятно, разжигание Англией Великой Французской революции были лишь ответным ударом, ещё раз подтвердившим чеканную формулу Макиавелли: несмертельный удар смертелен для того, кто его наносит.

С 1797 г. война с Францией (Англия быстро пришлось противостоять Наполеону в одиночку) породила обесценивающийся бумажноденежный стандарт, сохранявшийся до 1821 г.

Но, несмотря на эти и другие кризисы, во многом созданная Ньютоним пирамида госдолга Англии, наряду с симбиозом аристократии и предпринимателей обеспечивавшая её могущество и опиравшаяся на него, продолжала эффективно функционировать и рухнула лишь в XX веке — вместе с Британской империей.

Вероятно, подобные общественные организмы, опирающиеся на общность интересов и патриотизм влиятельных элементов общества, госдолг как средство привлечения свободных капиталов всего мира, а также науку и разведку, обеспечивающих разумность управления, могут погибать лишь по внешним причинам, под ударами более эффективных и мощных конкурентов.

ЧАСТНЫЕ ШКОЛЫ: ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ

Необходимое условие жизнеспособности любого организма — воспроизводимость, способность продолжать себя в следующих поколениях. Социальный организм обеспечивает это условие воспитанием своих членов и подготовкой управленческих кадров (невнимание к формированию последних означает быструю смерть, что показал, в частности, пример просуществовавшей лишь три поколения советской цивилизации).

Особенно высоки объективные требования к качеству госуправления (и, соответственно, к подготовке кадров для него) империй, объединяющих разнородные территории, по-разному откликающиеся на один и те же управленческие импульсы.

Опираясь на богатый опыт религиозного образования, Британская империя решила эту задачу созданием специфической системы воспитания элиты, включающей в себя частные школы и университеты. Основанная на них подготовка имперских управленческих кадров стала важнейшим фактором британского превосходства над остальным миром и одним из высочайших достижений социальной инженерии Запада.

Ключом к этой системе стали частные школы-пансионы, куда сдавала своих детей английская элита и которые в конце XIX века, в период расцвета империи и максимального уровня её самодовольства, считались британцами "главным достижением империи и её фундаментом".

По сути, дети элиты в интересах империи изымались из семей и становились в них лишь гостями, приезжающими на каникулы. Это делалось без насилия, абсолютно добровольно — просто потому, что являлось категорическим условием сохранения их социального статуса.

В частных школах (как и в университетах) детям и студентам не давали знаний, имеющих практическое значение. Под видом бесконечной зубрёжки латыни и разнообразных схоластических предметов в них выбратывалось автоматическое нерассуждающее послушание руководству, трудолюбие, упорство и дух соревнования. Все признаки критического мышления беспопоздно выжилились, равно как и чувствительность, способность к сопереживанию, гуманизм и другие качества, противопоставленные колониальным администраторам.

Об уровне психологического насилия, которым детей превращали в "эффективных менеджеров", свидетельствуют воспоминания второй жёны Джорджа Рузвельта, Сони Браунелл. "Единственная цель — целью и полностью владеть над каждым вздохом и каждым помыслом... Каждый ребёнок в отдельности должен быть управляем, все потаённые уголки детских душ надлежит найти и раскрыть; а для этого следует убивать в них в зародыше любую веру в то, что люди способны прийти на помощь друг другу... Все, что через эту школу прошёл, безосновочно распадается ещё друг в друге. Словно члены некоего тайного братства, они обнимают друг друга, забываят на миг зло, что им причинили, и осторожно, улыбкой лаской

пытаются хоть немного успокоить свою боль" (из рецензии на книгу Руже Пейрефитта "Особенная дружба").

Несмотря на наличие неизбежного брака (о котором свидетельствует приведённая цитата, автор которой сохранила способность чувствовать), частные школы и, далее, элитные университеты представляли собой конвейер, обеспечивающий детям элиты ликвидацию эмоций, глубокую социализацию в своей среде, развитие административного интеллекта и укрепление физического здоровья.

С этого конвейера и по сей день сходят одинаковые энергичные молодые люди, свободные от содержательных знаний, но спаянные в единую касту и преисполненные единственными оставленными им чувствами — всепоглощающей преданности (термин "попальность" непозволительно слаб) короне и друг другу, а также глубочайшего собственного превосходства по отношению ко всем остальным.

Элитное образование Британии обеспечивало создание и воспроизводство монолитного социального слоя, резко отделившегося от остального общества и даже собственных семей. Этот слой с пренебрежением и презрением относился ко всем управляемым, в том числе и сорганидам: их интересы для него существовали лишь в той степени, в которой могли создавать угрозу или иную проблему для эгоистических интересов элиты или её представителей.

Разумеется, в частных школах для мальчиков было широко распространены гомосексуализм и педофилия: старшей и наиболее уважаемая школа в конце концов была даже закрыта по этой причине — правда, уже в 70-е годы. Помимо использования гомосексуальности как инструмента формирования обособленной от общества и жестокой элиты, важным было то, что до 1967 г. гомосексуализм в Британии считался уголовным преступлением. Соответственно, элитарных носителей этой ориентации дополнительно сплачивало сознание общей преступности, страх перед наказанием и, главное, ощущение своей сверхчеловечности, то есть способности и права пренебрегать общепринятыми нормами, включая мораль и закон.

Непосредственной причиной деградации и исторического поражения Британской империи стала, скорее всего, деградация управляющего слоя из-за пренебрежения системы образования содержательными знаниями, что по мере усложнения технологий создало перманентный конфликт между специалистами и управленцами, подобный наблюдавшемуся в Советском Союзе.

DOUBLESPEAK: БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЛИЦЕМЕРИЕ

В художественном фильме о Чаке (1787—1828 гг.), создателе зулусской государственности, с которой Англия ничего не могла поделать и которая представляла собой огромную потенциальную угрозу её колониям, один из его героев, английский колониальный администратор, мотивировал уверенность в уничтожении зулусского государства, несмотря на скудость тогдашних английских ресурсов, тем, что "за нашей спиной двести лет doublespeak".

"Двоеерчие" (из которого потом выросло оруэлловское "двоемыслие") — один из фундаментальных факторов британского превосходства над остальным, неанглоязычным миром. Оно не имеет отношения к "демагогии", как обычно переводят это слово, и значительно глубже и объёмней традиционного "лицмерия".

"Doublespeak" подразумевает одновременное нахождение пользующегося им субъекта в принципиально разных ценностных измерениях: с одной стороны, приспособление к собеседнику, следование его логике, системе ценностей и интересам, а с другой — осознание притом себя представителем интересов империи и своих собственных, с манипулированием собеседником ради них. Этот принцип позволяет сознательно и успешно лгать в соответствии с принципом "правдивого мошенника", будучи абсолютно уверенным в правдивости, то есть целесообразности своих слов.

Подмена истины целесообразностью восходит к изуститам, но именно английская элита сумела поднять её до уровня культурной и юридической нормы: "правда" для неё (и для наследовавшей ей в реальном американской элиты) означает не "реальное, объективное положение дел", а "то, что выгодно мне и ложность чего не доказана английским (или американским) судом", — и глубоко переживает на личностном уровне именно в этом качестве.

Поэтому разоблачение прямой лжи представителя английской элиты (и в целом носителя англосаксонской управленческой культуры), как правило, не вызывает у него ничего, кроме искреннего негодования, так как с точки зрения doublespeak является наглй манипуляцией, подменяющей священные и основополагающие интересы сверхчеловека (каким он себя ощущает и сознаёт, отказываясь признавать это из-за дискомфорта в термины Гитлером) не имеющей непосредственного значения для него реальности.

На личностном уровне doublespeak представляется результатом частного школьного воспитания, приучающего постоянно совмещать жёсткий мир формально однозначных официальных норм с интуитивной реализацией собственных интересов: от карьерных и учебных до ещё не до конца выжженного естественного детского стремления к шалости.

Органическая естественность корыстной лжи джентльмена всем, стоящим ниже него по классово-сословной лестнице (и тем более иностранцам), составляющая практическую сторону феномена "doublespeak", естественно дополняется принципиальной невозможностью лгать равному себе и тем более стоящему выше него по этой лестнице: иначе основанное на данном принципе общество просто не могло бы существовать.

Таким образом, doublespeak является мощным фактором не только повышения конкурентоспособности общества, но и сплачивания его элиты, что повышает его стабильность.

В последней трети XIX века немцы, соревнуясь с Великобританией и отстаивая свои интересы в противостоянии обслуживающему её нужды либерализму, создали науку, в том числе об обществе, как фактор национальной конкурентоспособности. Но англичане прошли этот путь раньше, ещё в конце XVII века, что и стало одним из факторов британского превосходства и британской конкурентоспособности, далеко пережившей Британскую империю и по наши дни оказывающей огромное влияние на глобальную политику и экономику.